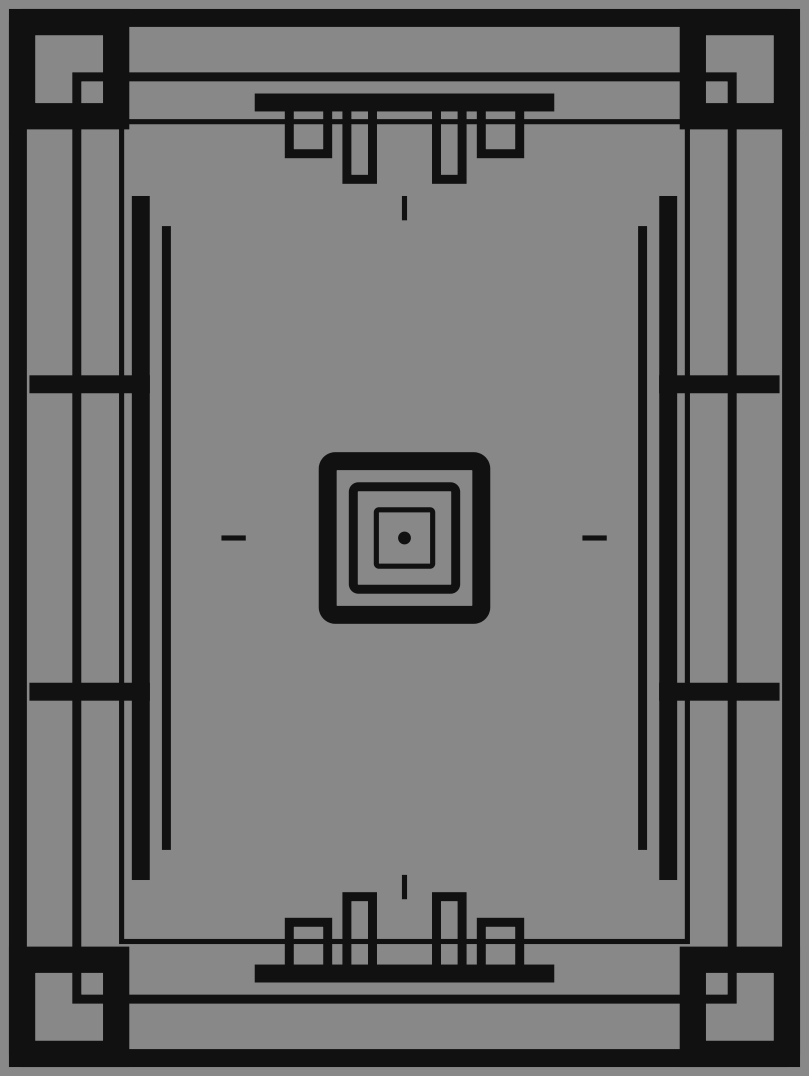


Разные жизни Грэма Грина

Дэвид Лодж

Аннотация
1
2
3
4
5
6

Аннотация

Введите сюда краткую аннотацию

1

Не знай читатели Грэма Грина прежде всего как романиста, он сохранился бы в их памяти как талантливейший литературный обозреватель, кинокритик и эссеист XX века. Рецензируя первый том монументальной биографии Генри Джеймса, принадлежащей перу Л. Эделя, Грин с присущим ему проницательным остроумием заметил:

В каком-то смысле этот том является пробным камнем, поскольку материалы для него по большей части почерпнуты у самого объекта исследования, в его неотразимо обаятельных и полных лукавства книгах «Маленький мальчик и другие» и «Записки сына и брата». Мистер Эдель, человек весьма компетентный и лишенный благоговейного трепета перед своим героем, умело проникает сквозь созданную им дымовую завесу, не позволяя Джеймсу раствориться в сиянии его писательской славы.

За подобной же дымовой завесой всю жизнь таился и сам Грэм Грин, лишь иногда позволявший любопытным журналистам, а впоследствии

и биографам бросить беглый взгляд на те или иные события своей личной жизни (будь то душевные травмы или безрассудные поступки, вроде игры в русскую рулетку) — и не дававший угаснуть интересу публики к собственной персоне. Завершается вышеупомянутая рецензия словами, которые сегодня вполне могут быть отнесены и к самому Грэму Грину. Полагая, что Эдель продолжит жизнеописание Г. Джеймса, и размышляя о том, как непросто будет биографу осветить зрелые годы писателя, который и сам скупился на слова, когда об этом заходила речь, Грин говорит:

Именно этот период жизни Генри Джеймса, скрытый за фасадом его общественной деятельности, <...> изобилует неясностями, напоминающими зачехленную мебель в роскошном особняке. Однако вскоре вспыхнет свет, покровы будут сдернуты, и даже сам автор, который с такой невероятной истовостью раскапывает тайны в романе «Священный источник», не сможет предъявить претензии своей серьезной и добросовестной ищейке, случись ей обнаружить то, о чем, по его мнению, не принято говорить вслух.

Однако сам Грэм Грин не проявил подобной снисходительности к сыскной работе биографов,

которые со временем взялись и за него. Впрочем, к началу 70-х годов он, похоже, согласился с мыслью (или поддался уговорам семьи), что лучший способ отвадить непрошеных следопытов — это самому заказать авторизованное жизнеописание. Официальным биографом был избран Норман Шерри, автор двух научных трудов о Джозефе Конраде, которые Грин прочел с восхищением. Для Шерри, преподававшего тогда английскую литературу в ничем не примечательном университете города Ланкастера, это стало столь же ярким событием, каким бывает в жизни провинциального актера неожиданное приглашение на ведущую роль в голливудской киноэпопее.

Поначалу казавшийся подарком судьбы заказ Грэма Грина впоследствии обернулся проклятием, чтобы не сказать распятием, для Нормана Шерри. Взяв на себя непосильный труд повторения всех путешествий Грина (который был одним из самых непоседливых писателей XX века), Шерри перенес много испытаний и невзгод: и временную потерю зрения, и жестокую дизентерию (настигшую его в той же мексиканской деревушке, где ею некогда мучился и сам Грэм Грин), и чуть не стоившую ему жизни загадочную

тропическую болезнь, вследствие которой ему удалили часть кишечника (как не вспомнить тут зловещие слова чиновника из «Сердца тьмы» Дж. Конрада: «Людям, сюда приезжающим, не следовало бы иметь никаких внутренних органов » {{Перев.с англ. А. Кривцовой. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, * прим. перев.*)}}). Пришлось пожертвовать биографу и штатной университетской должностью, причем гонорара, который бы покрыл его финансовые потери и издержки, он так и не увидел: согласно недавнему отчету в «Паблишерз уикли» (от 27 февраля 1995 года), своим издателям он остался должен 78 тысяч фунтов.

Что же касается Грэма Грина, то он и сам испытал немало неудобств от затеянного им предприятия и, по признанию Шерри, соглашался на интервью с опаской и нечасто. Он тщетно пытался поставить пределы свободе исследователя и как-то даже сделал вид, что и вовсе не заказывал ему столь подробного и тщательно документированного труда. Из уст Грина прозвучало довольно-таки обескураживающее пророчество, которому, по большей части, суждено было сбыться: он успеет прочесть первый том своего жизнеописания, но второго — так и не

увидит, а до третьего не доживет и сам биограф. Почти тогда же, когда писатель засадил за работу Нормана Шерри, он подружился с Леопольдо Дураном, испанским священником и университетским преподавателем, специалистом по английской литературе, который посвятил свою докторскую диссертацию религиозным подтекстам в романах Грэма Грина. Писатель подвигнул Дурана на запись их бесед во время совместных поездок по Испании, явно надеясь превратить его в своего Босуэлла {{Джеймс Босуэлл (1740—1795) — английский писатель-мемуарист, прославился книгой «Жизнь Сэмюэла Джонсона» — жизнеописанием известнейшего критика, лексикографа, романиста и эссеиста.}}, чьи восторженные свидетельства станут противовесом «объективной» биографии Нормана Шерри.

Леопольдо Дуран вспоминает, что Грин всегда мрачнел при упоминании о книге, над которой трудился Шерри, и советовал ему избегать «самозваного биографа по имени Моклер». Когда в 1989 году Энтони Моклер стал печатать главы своей биографии Грина, намереваясь тем самым обскакать Нормана Шерри, герой обеих книг прекратил незаконную публикацию с помощью судебного преследования. В апреле 1991-го, через

три года после смерти Грина, Моклер выпустил в свет новую редакцию приостановленного писателем исследования, и одновременно Майкл Шелден, американский ученый, автор книг о С. Коннолли {{Сирил Коннолли (1903—1974) — английский писатель.}} и Дж. Оруэлле, опубликовал одну из самых разоблачительных литературных биографий нашего времени, переполненную такими подробностями, о которых действительно не принято говорить вслух.

На фоне всего этого копания в грязном белье покойного писателя рассказанное Шерри представляется нам весьма достоверным отчетом о противоречивом жизненном пути Грина. Как-то раз, провожая Шерри на вокзал после одного из интервью, Грин поделился с ним слухом о том, что его жена Вивьен намеревается писать книгу о проведенных в супружестве годах:

Грин сказал мне об этом и, изобразив на лице полное отчаяние, тонким голоском пропел песенку из старой оперетки: «Брось на гроб старикана землицы, хватай перо и валяй пиши». Голос его прозвучал столь печально, что я застыл от смущения, почувствовав себя невольным свидетелем его страдания.

По выходе в 1989 году, еще при жизни Грина,

первого тома написанной Шерри биографии (1904—1939 гг.) писатель и сам, должно быть, пытался понять, подпортила или же укрепила его репутацию эта санкционированная им книга и сотрудничество с ее автором. Прежде всего она запомнилась двумя, отнюдь не лестными для ее героя, особенностями. Во-первых, в ней вскрывалась причина его одержимости идеей измены и предательства. Разумеется, Грин и сам писал о том, что впервые познал их в Беркампстедской школе, где его нередко задирали однокашники и где он пережил немало унижений и страхов, причем страдания его усугублялись тем, что в извечной войне между учителями и учениками, столь характерной для подобных заведений — а директором школы служил его отец, — он становился то на одну, то на другую сторону. Однако Шерри, с его неутомимым упорством и изощренной въедливостью, удалось докопаться до все объясняющего факта: нарушив неписаный кодекс чести, Грин как-то раз выдал своего мучителя, мальчишку по имени Картер, которого незамедлительно исключили из школы. Подобного рода предательство, всплывшее на поверхность в первом же написанном им романе «Человек внутри» (1928), будет тревожить твор-

ческое воображение писателя всю последующую жизнь.

Другая запоминающаяся черта — это тщательно документированный (со ссылками на дневники и переписку) рассказ о необычайно яркой эмоциональной и сексуальной жизни Грэма Грина, особенно в пору его ухаживания за Вивьен Дейрелл-Браунинг и женитьбы на ней. Эта же история — в более сжатой форме, но с новыми подробностями — приводится и в книгах Шелдена и Моклера.

Еще будучи студентом Оксфорда, Грин стал редактором журнала «Оксфорд аутлук» и в февральском выпуске за 1925 год поместил статью о сексе, религии и кинематографе, которая имела для него весьма серьезные и неприятные последствия. Начиналась она словами: «В большинстве своем мы непомерно сластолюбивы. Мы мечемся между церковью, где поклоняемся Деве Марии, и публичным домом с продажными девками; мы скалим зубы над сальными стишками и анекдотами. Подобное извращение полового инстинкта оказывает тлетворное влияние на все искусство в целом и в особенности на кинематограф и театральную сцену». Само собой разумеется, Грин был выпестован англиканской церковью, одна-

ко в ту пору был неверующим. Некая молодая сотрудница оксфордской издательско-книготорговой фирмы «Блэкуэлз», недавно перешедшая в католичество, обратилась к автору статьи с письмом, где упрекала его в неправильном употреблении церковных терминов при обсуждении католического культа Девы Марии. Грин пригласил Вивьен Дейрелл-Браунинг на чашку чая, а затем сводил в кино на фильм «Безрадостный переулок» с Гретой Гарбо в главной роли.

Ироническая подоплека этого эпизода достаточно многослойна. В вопросах секса Грин и сам отличался болезненной противоречивостью, которую столь безапелляционно заклеймил в своей студенческой статье: его одновременно и привлекали, и отвращали любовные акты, и женщин он по укоренившейся привычке делил на святых и блудниц (к этим мотивам он неоднократно возвращался в своих романах). Увидев в Вивьен Мадонну, он воспылал к ней романтической любовью. Девушке в ту пору было всего девятнадцать лет, чувства ее были незрелы, к тому же она была девственницей и, по собственному признанию, испытывала отвращение к физической стороне любви. Выходить замуж за Грина ей совсем не хотелось — ей вообще не хотелось замуж.

Однако он поставил себе цель покорить ее сердце, в чем и преуспел, продемонстрировав исключительную силу воли и обрушив на избранницу поток любовных писем: за два с половиной года их было написано около двух тысяч, иногда она получала от него по три послания в день.

Ради нее он прошел катехизацию и был принят в лоно святой церкви. Тогда же он попытался избавить ее от страха перед сексом — предложил ей брак без супружеской постели. Согласно Моклеру, в ответ Вивьен выступила с куда более странным предложением: если ее мать усыновит Грина, они смогут жить как брат с сестрой. Грин начисто отверг эту идею, однако, рисуя заманчивые картины предстоящего медового месяца, обещал, что у них будут отдельные спальни. Не в силах отвергнуть столь пылкую галантность, Вивьен сдалась и согласилась стать женой Грина. Он торжествовал и наслаждался счастьем. Однако, как удалось установить Шерри, в первый же год супружеской жизни он стал наведываться к женщинам легкого поведения. По утверждению Моклера, Грин зачастил в злачные заведения сразу после того, как предложил Вивьен руку и сердце.

Проститутки, без сомнения, привлекали Грина

на протяжении всей его жизни. В середине 30-х годов с одной из них по имени Аннет, у него был вполне серьезный роман, а героиней его книги «Почетный консул» стала представительница древнейшей в мире профессии. Он непременно посещал публичные дома во всех странах, куда его заносила судьба, причем нередко ради впечатлений, а не оказываемых там услуг. Однако такое потакание собственному сластолюбию с первых же дней супружеской жизни едва ли могло благотворно сказаться на ее дальнейшем течении. Хотя Грин безусловно испытывал к Вивьен теплые чувства, посвящал ей книги и регулярно писал нежные послания, он сознательно провел большую часть супружеской жизни отдельно от нее и своих двух детей, причем уединение зачастую делила с ним та или иная любовница.

Имеются свидетельства того, что семейным отношениям мало способствовала также католическая метода планирования семьи. Грин полностью разделял убеждение С. Коннолли в том, что «детская коляска в коридоре — злейший враг искусства», но Вивьен оставалась в этом отношении послушной дочерью католической церкви. Согласно Моклеру, супружеская спальня их была разделена занавеской, предназначенной

содействовать воздержанию. В беседах с Леопольдо Дураном Грин с завидным постоянством критиковал запрет католиков на искусственную контрацепцию и, насколько мне известно, отослал мой роман «Падение Британского музея» архиепископу Вестминстерскому кардиналу Хинану, питая слабую надежду на то, что сатирическое развитие этой темы окажется для кардинала поучительным.

Однако секс был не единственной причиной несовместимости супружеской четы. Грэм Грин, обуреваемый таинственными демоническими силами, наделенный блестящими талантами, переменчивый и погруженный в собственные переживания, порой впадал в депрессию, граничившую с самоубийством. В противоположность ему Вивьен была робкой, пассивной, приверженной условностям и весьма положительной на английский манер особой. Как справедливо замечает Моклер, «двум столь непохожим людям, надо полагать, не стоило даже и думать о том, чтобы связывать себя узами брака». Этот брак принес им и счастье, и несчастье, однако в то время как Грин чувством вины за доставляемые жене страдания подпитывал свое вдохновение, Вивьен была просто по-житейски несчастна.

Хотя, как и Грин, она, похоже, не могла или не хотела решиться на развод — лишь через многие годы их супружество потерпело окончательный крах.

Дальнейшее развитие деликатной темы неблагополучного брака мы находим во втором томе биографии Нормана Шерри. По словам самой Вивьен, супружеские отношения прекратились как раз перед началом Второй мировой войны, но эпизодически Грин и Вивьен делили постель вплоть до 1947 года, хотя Грин большую часть времени проводил вне дома. С 1935 года и до начала войны пристанищем для семьи служил построенный в стиле королевы Анны особняк в Клапаме. Как писатель на вольных хлебах Грин пробавлялся тогда случайными заработками: к скромным гонорарам за художественные произведения приплюсовывалась плата за рецензии на книги и фильмы, путевые заметки, сценарии. Трудился Грин с каким-то маниакальным упорством, и не только ради денег, но, как можно предположить, и для того, чтобы заглушить разочарование в личной жизни и уйти от семейных конфликтов. А возможно, осознав неизбежность войны, он, подобно многим другим, почувствовал, как мало у него времени, чтобы сказать свое

слово в английской литературе. В 1939 году он писал одновременно две книги: «Доверенное лицо» — «развлекательный роман», которому отводил первую половину дня и который закончил за полтора месяца, а кроме того, роман «Сила и слава», над которым трудился по вечерам, для сохранения работоспособности прибегая к такому допингу, как бензедрин. Будучи не в силах писать дома, он снял — поначалу только для работы — комнату в Блумсбери. Жившая по соседству дочь его домохозяйки по имени Дороти Глоувер, в прошлом танцовщица, а впоследствии книжный иллюстратор, перед самой войной или немного раньше стала его любовницей.

Читавшие «Доверенное лицо», возможно, припомнят один довольно живой эпизод: герой по имени Д., спасаясь бегством от убийц, врывается в пустующую квартиру, на двери которой висит табличка с фамилией «Глоувер». Обстановка подсказывает герою, что хозяйка квартиры— «незамужняя стареющая женщина, очевидно, довольно ограниченная»» {{Перев. с англ. М. Виленского и З. Юрьева.}}. Эта понятная только двоим шутка — а Грин нередко прибегал к подобному в своих романах — была адресована Дороти и исключала из игры Вивьен, которая, возможно,

прочла этот пассаж задолго до того, как стала догадываться о существовании в жизни мужа женщины по фамилии Глоувер. Тем временем началась война, и он отправил Вивьен с детьми в более безопасное (хотя и менее комфортабельное) место — к своим родителям, а затем к друзьям в Оксфорд.

Сам Грин оставался в Лондоне якобы в семейном особняке, однако большую часть времени проводил с Дороти. Супружеская измена, по иронии судьбы, спасла его от верной смерти, поскольку как-то ночью, когда он был у своей подруги в Блумсбери, в их дом в Клапаме попала немецкая бомба (впоследствии изменивший свою реальную топографию эпизод спасения был помещен в роман «Конец одной любовной связи {{Впервые на русском языке был опубликован роман под названием «Конец одного романа» («Иностранная литература», № 5—6, 1992).}}). Грин как будто разом освободился от тяготивших его уз добропорядочного семьянина. Журналист Малькольм Маггеридж заметил, что не может забыть «того ликующего выражения лица, с которым Грин сообщил ему о гибели дома, где жил с семьей». Через несколько лет Грин довершил начатое немецким бомбардировщиком в своем

мрачноватом юмористическом рассказе «Разрушители», исполненном красочных подробностей. Лишившаяся семейного гнезда Вивьен была вне себя от горя и с той поры занялась коллекционированием старинных кукольных домиков. Их брак все более походил на психологические драмы Стриндберга и Ибсена разом. Однако знакомство Вивьен с Дороти Глоувер, состоявшееся во время ее случайного посещения лондонской квартиры Грина в один из послевоенных дней и впоследствии ею описанное, скорее вызывает в памяти фарсы в духе Ноэла Коуарда {{Ноэл Коуард (1899—1973) — английский актер и драматург.}}:

Дальше прихожей мы не пошли и остановились, продолжая говорить о пустяках. Грэма как будто что-то беспокоило, и спустя некоторое время невысокая полноватая женщина в синих очках, делавших ее похожей на героиню викторианского романа, возникла на пороге. Она напоминала аппетитный пончик. В дверях женщина отпрянула и произнесла: «Ой, Грэм, я хотела спросить, нельзя ли мне позвонить от вас моему скорняку». Я сразу же подумала: «Ведь это ж надо, не поленилась преодолеть три лестничных пролета, чтобы из чужой квартиры в семь вечера звонить скорняку». Грин представил нас друг другу, и я тут же

откланялась. Было очевидно, что он собирается идти с ней ужинать; непонятно, зачем понадобилась эта дурацкая история про скорняка.

В то время Дороти было уже за пятьдесят, но даже когда она была моложе, его друзья не могли разгадать тайну, чем ей удалось приворожить Грина. Она была толстушкой и коротышкой, а чертами лица, если судить по единственной фотографии в книге Нормана Шерри, смахивала на лягушку. Однако к Грину она привязалась всей душой, умела хранить секреты и была не робкого десятка. Особенно оценил он ее смелость во время бомбежки Лондона — в то время днем он работал в центре города, а вечерами участвовал в добровольной пожарной бригаде, да еще находил время для флирта с Дороти (какой-то пожарный чин был шокирован, увидев, как они нежничают в углу бомбоубежища. «Но это же мистер Грин, — сказал ответственный дежурный, — один из лучших наших пожарников, а с ним его прелестная жена»).

2

Пожалуй, уже стало общим местом, что молодые люди того же поколения и социального статуса, что и Грэм Грин, выросшие на буржуазных приключенческих и героических книгах Р. Киплинга, Дж. Хенти {{Джордж Хенти (1832—1920) - английский писатель и журналист, автор приключенческих рассказов для мальчиков.}} и Р. Хаггарда и воспитанные в духе патриотизма в английских частных школах, отчасти чувствовали себя обманутыми или виноватыми из-за того, что по молодости лет не воевали на Первой мировой. Ради морального удовлетворения и с целью «испытать себя» они искали приключений в далеких землях или уходили добровольцами на гражданскую войну в Испании. Рискованные и полные лишений странствия Грина по Либерии и Мексике, нашедшие отражение в книгах «Путешествие без карты» и «Дороги беззакония», как нельзя лучше вписываются в эту схему. Если Грин воздержался от участия в гражданской войне в Испании (после ряда неудачных и довольно вялых попыток войти в контакт с

басками), то лишь потому, что ему была далека идеология обеих сторон. В ту пору большинство католиков становилось на сторону Франко, поскольку он защищал святую церковь от гонений республиканцев, однако Грину были ненавистны фашистские диктаторские режимы. Его романы 30-х годов, и «серьезные» и «развлекательные», исполнены сочувствия к эксплуатируемым и неимущим, что вполне соответствовало левым политическим взглядам, модным в то время в литературных и академических кругах, но социалистом Грин все-таки не был. Он сам объяснил это в «Путешествии без карты»: «Меня всегда мучает противоречие: я убежден, что жизнь должна быть лучше, чем она есть, и в то же время верю, что всякое видимое благополучие непременно скрывает темную изнанку»{{ Перев. с англ. Е. Голышевой и Б. Изакова.}}. Грин был одним из тех немногих литераторов, кто отказался отвечать на знаменитую анкету «Война в Испании: моя писательская позиция» (1937).

Учитывая все это, можно было бы ожидать, что Грин, как и его собрат по католической вере и приятель Ивлин Во, будет активно стремиться на фронты Второй мировой войны, особенно после заключения советско-германского пакта

о ненападении, когда (по слову Гая Краучбека, персонажа Ивлина Во) «враг наконец предстал в полный рост»{{ Гай Краучбек - герой трилогии И. Во. «Вооруженные люди» (1952), «Офицеры и джентльмены» (1955), «Безоговорочная капитуляция» (1961).}}, то есть фашистский и коммунистический режимы явили себя этаким двуглавым монстром. В автобиографии «Пути спасения» Грин сообщает, что он записался добровольцем в пехоту, но затем попросил полугодовой отсрочки, чтобы закончить роман «Сила и слава». Однако, как удалось установить и Шерри, и Моклеру, даты не сходятся: роман был закончен до того, как Грина пригласили на собеседование в комиссию по вербовке добровольцев. Шерри великодушно объясняет это несовпадение тем, что писатель захотел подсобрать денег на содержание семьи, но всего вероятнее, сделав красивый жест в духе Джорджа Хенти, Грин все-таки решил, что как человек неорганизованный он не создан для полковой жизни и военной дисциплины (как и Ивлин Во, которому пришлось убедиться в этом на собственном болезненном опыте), и отложил зачисление на военную службу в надежде, что со временем ему подвернется нечто более интересное и менее сковывающее его свободу.

Грин попытался заинтересовать официальные круги идеей включения в успешно действующую программу «Война глазами художника» проекта «Писатели-фронтовики», который для него стал бы идеальной возможностью и самому понюхать пороху, и сохранить при этом личную свободу (много позже он возьмет на себя подобную миссию в Юго-Восточной Азии). Однако эта идея не получила поддержки, и весь его военный опыт свелся к гражданской обороне — к дежурствам на крышах во время ночных бомбежек Лондона (что, откровенно говоря, в ту пору было куда более опасным и захватывающим делом, чем пребывание в зоне военных действий). Грин даже испытывал определенное удовольствие, когда бродил по улицам под звон подметаемого стекла и думал о том, что прошедшей ночью удалось сорвать еще один кон, играя в прятки со смертью, а также не без злорадства наблюдал, как расползается под бомбами архитектурная ткань Лондона, усматривая в этом Божью кару за упадочное развитие цивилизации.

Месяца за два до призыва на военную службу Грин принял предложение занять некий пост в Министерстве информации (а может статься, и сам добился подобного назначения — над этим

эпизодом все еще висит дымовая завеса). По замечанию Шерри, это был довольно неожиданный шаг, поскольку сравнительно недавно Грин поднял на смех поэта Стивена Спендера за то, что тот устроился на такую же непыльную канцелярскую работу. Однако сия непоследовательность не помешала Грину высмеять Министерство информации в рассказе «По горло в работе». В этой маленькой изящной вещице, литературные достоинства которой особо отмечает Моклер, писатель направляет свое насмешливое перо и против самого себя. В разгар битвы за Англию, когда Европу уже топчет кованый фашистский сапог, главный персонаж рассказа по имени Скейт председательствует на собрании Комитета по книгоизданию, повестка дня которого включает следующие пункты:

1. Процедурные вопросы.

2. Брошюра на валлийском языке об условиях труда в Германии.

3. Посещение Вилкинсоном Службы воздушных перевозок.

4. Дискуссия по поводу брошюры, представленной Боуном.

5. Предложения по листовке, поступившей от Комиссии по мясной торговле.

6. Индийский вопрос.

Вдруг кто-то приносит весть о недавнем налете немецкой авиации.

Но нам непременно следует выпустить в свет брошюру Боуна, — сказал Хилл.

Неожиданно для себя Скейт со злобой в голосе произнес:

— И это послужит им уроком, — и беспомощно повалился на стул, будто его кто-то уличил в предательстве.

Немного погодя, по завершении собрания, Скейт подходит к окну и выглядывает на улицу:

В высокой дали прозрачного неба белели тонкие штрихи, похожие на оставленные улитками влажные блестящие дорожки, — они указывали путь, по которому мужчины с работы возвращаются домой.

.

Срывая покровы тайны с частной жизни Грэма Грина, в которой находилось место и весьма неблаговидным поступкам, нелишне обратить внимание и на то, что в наше время немного найдется писателей, выстраивающих столь же точные и уравновешенные синтаксические конструкции. Вызывает интерес (но отнюдь не удивление) и сообщение Леопольдо Дурана: ра-

ботая над новой вещью, Грин имел привычку зачитывать ее вслух, так как «придавал огромное значение ритму фразы».

Спустя полгода Грин без ропота принял известие о своем увольнении из Министерства информации в связи с проведенной там кадровой чисткой. Немного погодя он стал редактором журнала «Спектейтор», однако едва ли это можно счесть заметным вкладом в дело защиты отечества. Таким образом, отличиться на войне писателю никак не удавалось. Но в 1941 году его вербует в британскую секретную службу младшая сестра, Элизабет.

«По натуре Грин был идеальным шпионом, — замечает в своей книге Норман Шерри, — и едва ли возможно что-либо объяснить в его жизни, не сказав, с каким рвением он предавался этому занятию». Вообще шпионство было семейным делом Гринов. Дядя Грэма, сэр Уильям Грэм Грин, был одним из главных организаторов Отдела морской разведки при Военно-морском министерстве; Герберт, старший брат Грэма (»паршивая овца» в респектабельном семействе), работал на японскую разведку в Англии и имел каких-то тайных клиентов в Испании; Элизабет была сотрудницей МИ-6 {{ БМИ-6 — битанская

секретная разведывательная служба.}} и женой Родни Дениса, одного из высокопоставленных чинов этого ведомства.

Как утверждает Шелден, ссылаясь на воспоминания однокашников Грэма Грина из Беркампстедской школы, его отец всячески поощрял слежку и доносительство среди учеников, особенно если это касалось дурного поведения, вроде рукоблудия и однополой любви. В студенческие годы Грин совершил путешествие по Германии за счет немецкого посольства в Лондоне — в обмен он обязался написать цикл газетных статей в поддержку немцев, протестовавших против французской оккупации Рурской области, однако одновременно предложил поставлять информацию и французскому правительству. Шелден вполне обоснованно сомневается, что поездка на каникулы в Эстонию в 1934 году, как раз в то время, когда в соседней Латвии (где нужно было сделать авиапересадку) произошел фашистский переворот, была простым совпадением. И достоверно известно, что его поездка в Либерию, которую в «Дорогах беззакония» он живописал как донкихотское странствие «в сердце тьмы» по безотчетному велению сердца, была оплачена Аболиционистским обществом {{ Аболицио-

нистское общество — орган движения за отмену рабства в колониях Великобритании, Франции и др. странах.}}, крайне заинтересованным в сборе разведданных о либерийском правительстве и его кровожадном лидере — полковнике Дэвисе. Согласившись сотрудничать с британской разведывательной службой, Грин откликнулся на зов судьбы, которого дожидался всю жизнь.

Однако его первые шаги в этой роли были до смешного неудачны. Профессиональная подготовка обернулась фарсом: на строевых учениях он хромал на обе ноги, а на занятиях по вождению то и дело падал с мотоцикла. Его первым назначением стала Сьерра-Леоне в западной Африке — пожалуй, самый незначительный из всех театр военных действий. Единственным занятием Грина, приносившим хоть какую-то практическую пользу (но при этом довольно утомительным и принижающим его достоинство), стал таможенный досмотр кораблей нейтральных стран. Его же собственная, и вполне типичная для него, инициатива свелась к предложению организовать передвижные бордели и укомплектовать их проститутками для сбора информации среди профашистски настроенных офицеров в соседнем Сенегале. Идея эта так и не нашла воплощения в

жизнь, хотя на удивление серьезно рассматривалась руководством в Лондоне.

Во Фритауне Грин обретался в лишенном удобств бунгало на окраине города. На него с одинаковым подозрением косились и бывшие соотечественники, и соседи-африканцы, которые на местном наречии прозвали его «плохим человеком». Однако несмотря на это, к Западной Африке он проникся нежными чувствами и окрестил ее «всепроникающей страной — она проникает во все ваши поры». Пожалуй, эти чувства можно точнее описать (цитируя его роман «Суть дела») как «нежность, которую все мы испытываем к несчастной поре своей жизни, словно несчастье — наше естественное состояние» {{ Перев. с англ. Е. Голышевой и Б. Изакова.}}. Для этой книги (которая принесла Грину международную писательскую славу) Сьерра-Леоне и, в особенности, Фритаун послужили местом действия, и, как видно из дотошных изысканий Шерри, практически для каждого персонажа или события романа можно найти реальный прообраз. Однако все это было еще впереди. Книгой, над которой он работал во Фритауне, был один из лучших его романов «для развлекательного чтения», названный им «Ведомство страха», —

действие переносит читателя в Лондон времен Второй мировой войны.

В 1943 году Грин был отозван в «центр» и переведен в португальский сектор пятого отдела МИ-6, занимающегося контрразведкой. («Похоже, было не важно, — походя замечает Шелден, — то, что он практически ничего не знал об этой стране, а также не умел ни читать, ни говорить на ее языке».) Его непосредственный начальник был завербован разведслужбой примерно в то же самое время, что и Грин. Звали его Ким Филби. Вскоре они стали друзьями.

Португалия была стратегической ареной разведдеятельности союзных держав, поскольку через нее, как через нейтральную страну, шел основной поток дезинформации, призванной ввести в заблуждение немецкое командование относительно планируемого вторжения союзников во Францию (главной фигурой здесь был агент под кличкой Гарбо, чьи необычайные способности к изворотливой лжи позже вдохновили Грина на создание образа Джима Уормолда в романе «Наш человек в Гаване»). В противоположном направлении через Португалию передавалась информация другого рода — касавшаяся заговора немецких генералов против Гитлера и имевшая

целью оценить перспективы мирных переговоров с союзными правительствами, если попытки ликвидировать Гитлера увенчаются успехом. Для Грина это представляло особый интерес, поскольку его кузина Барбара, бесстрашно вызвавшаяся сопровождать его в поездке по Либерии (о чем она поведала в собственной книге), жила в Германии и была замужем за немецким католиком и аристократом, к тому же поддерживавшим антигитлеровский заговор. Оба они лишь чудом уцелели в жестоких чистках, последовавших после раскрытия заговора в июле 1944 года.

Как известно, Филби не поддерживал контактов с антигитлеровской группировкой в Германии, так как мирные переговоры (с учетом послевоенной расстановки сил на Европейском континенте) противоречили интересам Советского Союза. Возможно, в это же время он передавал русским особо секретные разведданные, полученные через «Ультра» {{ Разведывательная система союзных держав во Второй мировой войне.}} и касавшиеся дешифровки кодов немецкого командования силами агентства СИГИНТ в Блетчли-Парк, что было совершенно недопустимо, поскольку таким образом нацисты могли догадаться о существовании системы «Ультра».

Как убедительно показывает Моклер, помимо Филби в МИ-6 были и другие сотрудники, посчитавшие нецелесообразным лишать союзника жизненно важной информации, и по крайней мере еще один из них не подчинился общей установке. Насколько Грин был осведомлен о том, что происходит вокруг? И Шерри, и Шелден приходят к выводу, что его неожиданная отставка из разведслужбы в мае 1944 года означала, что он имел кое-какие основания подозревать в Филби двойного агента. Грин уволился в один из самых интригующих периодов деятельности британской секретной службы — как раз накануне открытия в Европе второго фронта и все более растущего сопротивления Гитлеру в Германии. Почему в столь ответственный момент Грин решился оставить разведку и подыскал себе пустяковую работенку (похожую на ту, что высмеял в рассказе «Дел по горло») в каком-то «Комитете политической борьбы»? (Первым из порученных ему дел был выпуск журналов, которые сбрасывались на парашюте на территорию оккупированной Франции и должны были просвещать местное население на предмет новинок мировой литературы.)

Сам Грин так объяснял свою отставку: зная, что

Филби хлопочет о повышении, он ушел, чтобы не мешать более достойному занять освобождающийся пост — служебные интриги вызывали у него отвращение. Но здесь опять неувязка с датами. Ким Филби лишь через полгода получил вожделенную должность и возглавил отдел контрразведывательных операций против СССР. Таким образом, у Грина не было особых оснований увольняться столь заблаговременно. В этой связи и Шерри, и Шелден полагают, что Грин все-таки уверился в двурушничестве Филби и решил покинуть сцену до того, как ему, по слову Э. М. Форстера {{ Эдуард Морган Форстер (1879—1970) — английский писатель.}}, придется выбирать между изменой другу и изменой родине. Грин никогда не признавал открыто, что именно этим вызван его уход из МИ-6, однако на вопрос Шерри о том, что бы он сделал, узнав, что Филби — предатель, ответил: «Наверное, по-дружески дал бы ему возможность в двадцать четыре часа удариться в бега, а потом сразу донес бы на него».

Однако до полного разрыва с секретной службой и Кимом Филби было еще далеко. Впрочем, в то время Грин, похоже, захотел вернуться к мирной жизни и ее заботам. Довольно неожиданно он избрал издательское поприще и стал

директором процветающей компании «Эр энд Споттизвуд». Возможно, он почувствовал, что как писатель отчасти потерял форму (за 1943 и 1944 годы он не написал ни строчки), и стал искать близкую по духу и финансово выгодную деятельность. Следует признать, что издатель из Грина вышел активный и предприимчивый. Благодаря ему редакционный портфель компании пополнился книгами его любимых зарубежных авторов, например Мориака и Нарайана, хотя в конце концов его неуемный темперамент стал приносить делу больше вреда, чем пользы. Коллегам начала приедаться его страсть к розыгрышам и мистификациям (так, выдумав дело о пропавшей рукописи, Грин стал донимать редакцию звонками и письмами от раздраженного сочинителя), однако, когда он упустил такого автора, как Энтони Пауэлл, непростительно затянув издание его книги о Джоне Обри {{ Джон Обри (1626*1697) — английский антиквар и фольклорист.}}, и заявил писателю, что книга у него «чертовски скучная», ему все-таки пришлось оставить директорский пост. О подробностях данного эпизода говорят по-разному, но английская литература от этого увольнения только выиграла, поскольку для Грина начался один из самых плодотворных

периодов, давший миру такие романы, как «Суть дела» и «Конец одной любовной связи», сценарии фильмов «Третий человек» и «Поверженный идол», а также пьесу «Комната для живых».

К началу 50-х годов Грин не без основания прослыл одним из самых почитаемых современных английских писателей — не только у себя в стране, но и за рубежом. В то же самое время для него начался новый, эмоционально насыщенный период личной жизни, главным событием которого стала его большая любовь к леди Кэтрин Уолстон. Как нам теперь известно, именно ей посвящен роман «Конец одной любовной связи», где она послужила прототипом героини. Однако все перипетии их подлинного романа (в изложении Шерри и Шелдена), попади они на страницы художественного произведения, могли бы показаться читателям совершенно неправдоподобными.

3

Когда Кэтрин Уолстон вошла в жизнь Грэма Грина — а случилось это в сентябре 1946 года, — у него все еще тянулся роман с Дороти Глоувер; при этом он иногда навещал и Вивьен с детьми в доме, который купил для них в Оксфорде. К тому времени жене Грина было уже известно о его связи с Дороти, равно как и о других, менее серьезных увлечениях, однако до поры до времени она скрывала свое негодование, вероятно ради спокойствия детей, а также в надежде, что их брак еще удастся спасти. Грин, судя по всему, тоже не находил в себе мужества порвать ни с одной из женщин. Душевные метания автора отразились в переживаниях героя романа «Суть дела» Скоби, испытывающего чувство вины от того, что он не может выбрать между своей несчастной женой Луизой и столь же горемычной молодой вдовой Элен, которая в конце концов становится его любовницей. Возможно, именно поэтому в последующие годы он не раз собирался, но так и не смог перечитать «Суть дела». С Кэтрин Уолстон Грэм Грин познакомился в ту пору, когда работа

над романом близилась к концу.

По рождению она была наполовину англичанкой; воспитание и паспорт у нее были американские, а замуж она вышла за богатого английского землевладельца, впоследствии пэра и лейбориста Гарри Уолстона. Кэтрин была хороша собой, как голливудская звезда, и отличалась своенравным характером и эксцентричным поведением. Их с Гарри брак был «лишен предрассудков», и до связи с Грином у нее уже было несколько романов, на которые муж, похоже, смотрел сквозь пальцы. Писатель и не подозревал о существовании Кэтрин, когда получил от нее письмо с признанием, что под влиянием его книг она решила перейти в католичество. Вскоре после этого она позвонила Вивьен и пожелала у нее узнать, не сможет ли Грин выступить в роли ее крестного отца и присутствовать в церкви при обряде крещения. История нежных отношений, складывающихся между писателем и его почитательницей, пожалуй, не знает более оригинальной завязки. Грину это показалось забавным, и вместо себя он отправил в церковь на все согласную Вивьен.

Это событие отображено на весьма примечательной фотографии (она приводится в книге

Шерри): довольно безвкусно одетая Вивьен искоса смотрит на привлекательную и невозмутимую Кэтрин и, судя по недоуменно-неприязненному выражению ее лица, словно прикидывает, каких еще неприятностей можно ожидать от этой женщины. Когда Грин узнал от жены, сколь необычна его новая крестная дочь, он сразу пригласил ее на обед в один из лондонских ресторанов. По окончании трапезы она стала настойчиво зазывать его в гости в свое роскошное имение в восточной Англии, и когда он возразил, что к вечеру ему надо быть в Оксфорде, не задумываясь предложила взять напрокат самолет и подбросить его домой — что и сделала. Перед женщиной, столь щедро наделенной красотой и богатством и обладающей таким бурным темпераментом, Грин устоять не мог. Он немедленно влюбился в Кэтрин Уолстон, и у них начался головокружительный роман, в котором высокие любовные восторги перемежались тяжелыми душевными муками. Много лет спустя Вивьен поделилась с Шерри своим взглядом на эти отношения: «Я думаю, она поставила себе цель заполучить его — и заполучила. Просто прибрала к рукам... Как если бы вы сели в поезд с добрыми знакомыми, которые купили вам билет и расположились рядом вроде бы почитать, но

вдруг, вскочив и открыв дверь, вытолкали вас на ходу из вагона».

Самым удивительным в этом романе было то, что в религии, которую исповедовали возлюбленные и которая соединила их, прелюбодеяние почиталось тяжким грехом. Однако и Грин, и Кэтрин, похоже, вполне мирились с таким противоречием и даже испытывали по этому поводу какой-то странный духовный подъем. В письмах к Кэтрин Грин часто пишет о том, что после встречи с ней стал куда более ревностным католиком, чем раньше, и теперь гораздо чаще наведывается в церковь. «Теперь я истинный католик, несмотря на смертный грех, или, по крайней мере, намного лучше осознаю его как таковой». Душевное равновесие достигалось за счет детской веры в безграничную силу церковной исповеди и достаточно вольного истолкования идеи «исправления и искупления греха» — необходимого условия истинного покаяния в моральной теологии.

Яркой иллюстрацией к сказанному может служить история, поведанная Вивьен Норману Шерри (а также, с некоторыми вариациями, и Шелдену). Однажды вечером в апреле 1947 года она вернулась домой в Оксфорд и обнаружила

там Грина и Кэтрин. Они возвращались в Лондон после совместного визита в летнюю резиденцию Кэтрин на острове Акилл, расположенном у западного побережья Ирландии. Вивьен окончательно утвердилась в мысли, что у ее мужа любовная связь с этой женщиной. Грин объяснил, что у Кэтрин разболелась спина и он пригласил ее переночевать в Оксфорде.

Поскольку мне надо было хоть что-то сказать, я обратилась к Кэтрин: «Кажется, завтра у вас именины. Я все равно собиралась идти на службу — церковь в двух шагах, — так что если хотите...» «О, непременно пойду с вами», — сказала она и действительно пошла со мной в церковь, где причастилась сразу после меня. Спустя какое-то время я сказала об этом Грину, и он ответил: «А до того, как мы приехали в Оксфорд, мы тоже причастились». Но потом они сразу отправились в Лондон и там жили как муж и жена, и, по-моему, это отвратительно.

Шерри отмечает, что по поводу последней подробности Вивьен заблуждается: в то время, так сказать, по рабочим дням, Грин продолжал сожительствовать с Дороти Глоувер.

Прочтя любовное письмо Грина к Кэтрин, неверно адресованное и переправленное по

оксфордскому адресу, Вивьен наконец потеряла терпение. Возможно, письмо вызвало у нее в памяти те две тысячи посланий, которые она получила от Грина в минувшие годы. Между ними состоялось объяснение, после которого Грин окончательно покинул ее. Она запомнила дату, поскольку то был день бракосочетания будущей королевы Англии Елизаветы II.

Тем временем Грину предстояло завершить роман с Дороти. Словно желая извлечь максимум страдания из предстоящего, он надумал поехать с ней в Марокко и там в городе Марракеш вручить письмо с признанием, что он полюбил другую женщину и им необходимо расстаться (правда, остается неясным, намеревался ли он наблюдать за тем, как она читает письмо, или же скрыться от нее на просторах африканской пустыни). Однако весной 1948 года Дороти сама прознала о новом увлечении Грина — как раз накануне предполагаемой поездки в Марокко. Как ни странно, они все-таки отправились в путешествие, хотя оно, надо полагать, ни ему, ни ей не доставило никакой радости. И лишь затем в мае 1948 года Грин окончательно съехал из квартиры на Гордон-сквер, которую снимал вместе с Дороти. В том же месяце увидел свет его

новый роман «Суть дела» с эпиграфом из Шарля Пеги: «Le pecheur est au coeur meme de chretiente... Nul n'est aussi competent que le pecheur en matiere de chretiente. Nul, si ce n'est le saint» {{«Грешник постигает самую душу христианства... Никто так не понимает христианства, как грешник. Разве что святой» (перев. с франц. Е. Голышевой и Б. Изакова).}}, — и Грин проснулся знаменитым.

Роман Грина с Кэтрин превратился в густую декадентскую смесь духовности и секса. Как-то он написал ей, что хотел бы лежать с ней в постели и читать Хуана де ла Крус {{ Хуан де ла Крус (1542—1591) - испанский писатель-мистик, сподвижник Терезы Авильской, причислен к лику святых.}}. В другом его письме содержатся неприкрытые намеки на желание заняться с ней анальным сексом, а еще в одном — свидетельства садомазохистских экспериментов: «Любовь моя, тот самый след от сигаретного ожога уже не виден. Надо бы его возобновить». Отношения между возлюбленными вдохновили писателя на роман «Конец одной любовной связи» (1951) — откровенно эротический и вместе с тем предельно насыщенный религиозными мотивами (и не менее безупречный в смысле формы). В переписке с Кэтрин Грин дает ему «домашнее»

название — «великий роман о сексе». Похоже, что в ранних редакциях текст был еще более откровенен: «Изъятые пассажи насчет «узких чресел» совсем меняют дело», — писал он Кэтрин в ноябре 1959 года. (Эта не распознанная Шерри аллюзия отсылает нас к считавшейся предосудительной цитате из романа Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед»: «А теперь, на разбушевавшемся океане <...> я вступал во владение ее узкими чреслами...» {{Перев. с англ. И. Бернштейн.}})

Появившись в печати, роман «Конец одной любовной связи» оказал заметное влияние на роман реальный. До того времени Гарри Уолстон, похоже, оставался снисходительным мужем и ничего не имел против частых отлучек Кэтрин. Однако ознакомившись с романом, не без горечи узнал себя в том самом государственном чиновнике, которому наставляет рога жена и которому Грин с присущей ему игривостью дарит свое первое крестное имя — Генри. Уолстон стал требовать, чтобы связи Кэтрин и Грина был положен конец. Последовали бурные выяснения отношений, разговоры в повышенном тоне, ссоры, примирения и новые ссоры. Однажды Гарри всю ночь горько рыдал в своей комнате. В письмах к Кэтрин Грин тоже часто признается, что, разлучившись с ней,

пролил много слез, — хотя они продолжали изредка встречаться в разных точках земного шара. Он настойчиво уговаривал Кэтрин оставить мужа, пытаясь найти квадратуру теологического круга, в который они попали как в ловушку: исповедуя католичество, они не только не имели права на развод и новый брак, но и не могли сожительствовать, так как не были женаты. Вот образчик его аргументации:

Если бы мы на какое-то время поселились вместе, то у каждого была бы собственная комната, так что в любой момент, не прерывая нашей совместной жизни и любви, ты могла бы ходить к причастию (мы то и дело будем отступать от правил, но какое кому дело).

Когда Кэтрин в ответ предложила перейти на платонические отношения (ироническая реприза эпизода ухаживания за Вивьен), Грин ответил отказом, приведя цитату из своего любимого поэта Браунинга: «Грешить так грешить, раз под Богом мы ходим» {{ Из стихотворения Р. Браунинга «Прежде».}}.

Все письма Кэтрин Грин уничтожил, так что у нас складывается несколько односторонний взгляд на их отношения, однако ее письмо к сестре (которое приводит в своей книге Шерри)

дает представление о том, что она сама думала о Грине:

Грин так несчастен, что это похоже на болезнь... У него нет ни работы, ни семьи, ни друзей, по отношению к которым он имел бы хоть какие-то обязательства, и ему незачем планировать свою жизнь и не с кем считаться, кроме как с самим собой. Для него, от природы подверженного депрессиям, все это очень опасная почва, а я, вместо того чтобы помочь ему, в конечном счете делаю его еще несчастней тем, что никак не могу расстаться с ним.

Постепенно в начале 60-х годов роман этот скорее сошел на нет, чем получил какое-то драматическое разрешение: Грин понял, что Кэтрин никогда не оставит семью и не посвятит себя исключительно ему. К 1966 году у него уже появится новая любовница — Ивон Клоетта, которая и останется с ним до самой его смерти. Кэтрин же завершила свой жизненный путь довольно печально. Алкоголь и болезни лишили ее былой красоты, и она даже отказалась принять Грина, когда в 1978 году он пришел проведать умирающую от рака бывшую любовницу. После ее смерти Грин и Гарри Уолстон снова стали друзьями — подобный ход событий странным

образом предвосхищен в романе «Конец одной любовной связи».

По вполне понятным причинам биографы писателей всегда стремятся отыскать параллели между жизнью и сочинениями своих героев, но порою именно разного рода несовпадения оказываются более интересными и информативными. Например, в романе «Тихий американец» герой не может расстаться с женой, которая хоть и стала ему чужой, но как примерная прихожанка англиканской церкви отказывается разводиться, из-за чего он не может жениться на любовнице-вьетнамке. Однако в реальной жизни Грин не согласился разводиться с ревностной католичкой Вивьен даже после того, как роман с Кэтрин Уолстон положил конец их двадцатилетнему браку, и так и не узаконил факт их с женой раздельного проживания. В чем причина? Возможно, в том, что, несмотря на неустанные призывы к Кэтрин оставить мужа, он в глубине души опасался новых обременительных связей и сохранял свой несчастливый, но законный брак в качестве прикрытия.

Даже во время романа с Кэтрин у Грина бывали амуры с другими женщинами, например с Джоселин Рикардс, привлекательной молодой

австралийкой, которая охотилась за литературными знаменитостями послевоенной Англии — в число ее любовников входили А. Айер и Дж. Осборн {{ Альфред Айер, лорд (1910—1989) * британский философ и лингвист; Джон Осборн (1929—1994) — британский драматург.}}. Шерри лишь кратко и глухо упоминает об этом увлечении Грина, зато Шелден сообщает нам по этому поводу массу любопытных подробностей. По словам самой Джоселин, роман у них был недолгий, но бурный и страстный, и Грин отвел душу, занимаясь с ней любовью в общественных местах (в парках, поездах и так далее). Судя по всему, страх быть застигнутым на месте преступления вызывал у него особое возбуждение. Приводит Шелден и слова одного из друзей о том, что в Италии Грин с Кэтрин предавались любви за каждым достаточно высоким церковным алтарем, однако это уже следует отнести к разряду сказанного ради красного словца.

4

Настало время поговорить о чрезвычайно недоброжелательном отношении Шелдена к герою своей книги. (На обложке ее английского издания воспроизведен портрет Грина, смахивающего на кого-то из его собственных персонажей — скажем, на ведущего дознание следователя-садиста.) Вместе с тем из четырех рецензируемых биографий Грина книгу Шелдена следует признать лучшей: она отличается энергичным и ясным стилем, четкой структурой и увлекательностью повествования, а кроме того, изобилует интересными выводами и открытиями, равно как и сомнительными предположениями. Тогда как труд Нормана Шерри станет по завершении своеобразной биографией-протоколом, что и само по себе есть замечательное и героическое свершение. Однако порою под пером Шерри жизнь Грэма Грина (это особенно заметно во втором томе) начинает терять и ритм, и очертания из-за избытка информации, к тому же подаваемой по тематическому, а не хронологическому принципу. Шелден же, которому не было разрешено

приводить цитаты из писем и других личных бумаг, вынужден прибегать к их пересказу, что позволяет ему уложить жизнь Грина в одну книгу, и это более удобно для читателя.

Из всей этой команды (а может, лучше сказать своры?) биографов Шелдена можно считать лучшим литературным критиком, легко распознающим в книгах Грина аллюзии и заимствования из Дж. Конрада, Э. Паунда и Т. С. Элиота. Из всех известных мне исследователей лишь он один догадался, каким образом банда Пинки убивает Хейла в самом начале романа «Брайтонский леденец» (бандиты заставляют героя подавиться конфетой, которая потом тает, не оставляя следа). Он проводит удивительные параллели между домом сэра Уильяма Грина — дяди будущего писателя — в Кембриджшире, куда Грэм в детстве иногда приезжал на летние каникулы (странно, что в первом томе книги Шерри этот факт не упоминается), и довольно загадочным рассказом Грина о его взрослой жизни «Под сенью сада».

И тем не менее книга Шелдена пропитана злобной ненавистью автора к своему герою, что заставляет задуматься о том, каковы истоки этого чувства в его собственной жизни. В предисловии к американскому изданию Шелден заявляет,

что поначалу взялся за труд, будучи искренним почитателем английского писателя, однако в результате проведенных изысканий изменил свое мнение о нем (что сразу вызывает в памяти слова О. Уайльда: «У всякого выдающегося человека теперь есть ученики, однако биографии всегда пишут иуды» {{ Оскар Уайльд. Критик как художник. Перев. с англ А. Зверева. В кн.: Избранные произведения в 2 т. М., Республика, 1993.}}).

Шелден обвиняет Грина в том, что движущими мотивами его творчества являются ненависть, злоба и другие скверные качества, которых не замечают или не признают обожающие его читатели. «Они не видят — или не желают видеть, — что он антисемит, враг католицизма и женоненавистник и что он часто позволяет себе издевательские шуточки в их адрес». При этом Шелден подчеркивает, что этим он отнюдь не стремится умалить литературный талант Грэма Грина: «Человеческие слабости не могут заслонить его достоинств как художника»; «Писательский дар Грина изрядно подпорчен злобой, <...> но это еще не причина отвергать его романы как произведения искусства». Но тогда непонятно, как можно продолжать восхищаться романами Грэма Грина, коль скоро в них

он просто освобождается от гнусных качеств, которые биограф обнаруживает в его характере. Вот, например, как Шелден отзывается о романе «Брайтонский леденец»:

Неприятность заключается в том, что автор рассматривает читателя как жертву собственной глупости <...> Мы хотим, чтобы нас любили, и мы тоже хотим любить. Мы хотим верить Грину, мы хотим посочувствовать Пинки, мы хотим думать, что наш мир вовсе не так плох. И в то время как с улыбкой на лице мы заняты поисками добродетели, и мудрости, и высшей цели, Пинки вместе с Грином проклинают нас за то, что мы евреи, или католики, или калеки, или слишком толстые, или родились женщинами.

Безусловно, роман «Брайтонский леденец» подвергает сомнению общепринятые понятия о добре и зле и о том, кто прав, а кто виноват, но, к счастью, соотношение между «абстрактным автором» романа и его главным героем гораздо более тонкое и сложное, чем просто знак равенства, который ставит между ними Шелден. При этом, чтобы мы по-прежнему могли восхищаться романами Грэма Грина, биограф советует нам либо иначе истолковывать их, либо научиться получать мазохистское (и очищающее душу) удо-

вольствие, лицезрея представленную писателем инфернальную картину мира.

Самого Шелдена, судя по всему, вполне удовлетворяет вторая из предлагаемых возможностей — очевидно, по той причине, что он претендует на некое извращенное сродство между собою и своим героем. Что особенно явно проступает в английском издании его книги. Например, изложив обстоятельства судебного дела, последовавшего за рецензией Грина на фильм с участием Шерли Темпл (октябрь 1937 года) {{Фильм «Бедная маленькая богачка» (1936).}} — рецензией, квалифицированной судом как «необоснованная непристойность» (Грин в ней дал понять, что девятилетнюю кинозвезду не без успеха используют в качестве возбуждающего средства для пресытившейся сексом публики), Шелден легкомысленно признается, что и сам, бывало, «позволял себе рискованные домыслы и «необоснованные непристойности». Он замечает, что Грин всегда с большой готовностью и без зазрения совести использовал своих друзей и близких в качестве литературного материала, и добавляет: «...поэтому неудивительно, что ему так часто хотелось обратиться к биографическому жанру, ведь искусство жизнеописания

предполагает наличие у автора непреодолимой тяги к вуайеризму». Воспользовавшись далее метафорой Грина о его собственном писательском темпераменте, он пишет: «Именно эта самая «льдинка в сердце» позволяет романисту или биографу беззастенчиво заимствовать чужие жизни для своих писательских нужд». И когда Шелден с насмешкой размышляет о том, какого рода биографию Грина написал бы его собственный персонаж журналист Паркинсон, гнусная личность из романа «Ценой потери» («он уж точно вывернет всю грязь наружу и похоронит под ней даже лучшие его вещи» {{ Перев. с англ. Н. Волжиной.}}), — он явно предвидит критические выпады в адрес своего собственного труда, но отнюдь не пытается застраховать себя от них.

Несомненно, во многих предъявляемых им Грину обвинениях есть доля правды, однако все они либо раздуты, либо тенденциозно сформулированы, либо содержат откровенные домыслы. Нельзя отрицать, например, что ранние романы Грина выдают некоторую предубежденность автора по отношению к евреям, совершенно не приемлемую в наши дни, — но тем же грешили и многие другие писатели его поколения. Едва ли допустимо судить за это писателя с позиций

сегодняшнего дня, после того как человечество пережило холокост Второй мировой войны. К тому же еврейские персонажи Грина отнюдь не антисемитские карикатуры. Например, Майетт в «Стамбульском экспрессе» обрисован с достаточной тонкостью, сочувствием и пониманием. И хотя его поведение морально небезупречно, в нем много больше человечности, чем в других героях романа. Обвинение Грина в женоненавистничестве — еще одна запоздалая дань политкорректности, которая тоже не помогает понять предвзятость Грина в трактовке женских образов. Что же касается того, что Шелден несколько странно определяет как «антикатолицизм» Грина, то за этим стоит не что иное, как отказ писателя пропагандировать святую церковь в литературе — именно поэтому его «религиозные» романы интересны сами по себе и имеют общечеловеческую значимость.

Английское издание книги Шелдена содержит обширный именной и предметный указатель, и туда (статья «Грин, секс») помещен длинный список смачных тем: «анальный секс, флагелляция, инцест, интерес к мужскому полу, возможная гомосексуальность, мазохизм, педофилия, проститутки и бордели». Аргументы в пользу педофи-

лии, наиболее одиозного из всех приписываемых Грину сексуальных извращений, основываются исключительно на слухах и совершенно произвольных умозаключениях. Например, Грин с излишней и, по мнению Шелдена, вызывающей подозрение эмоциональностью отреагировал на появление крайне недоброжелательной биографии его соседа по Капри Нормана Дугласа {{ Норман Дуглас (1868—1952) — английский писатель.}} (несомненно педераста), написанной Ричардом Олдингтоном. Однако Грин всегда с яростной готовностью вступался за тех, кого хорошо знал и кому симпатизировал. Далее, некто Скоппа, доставлявший телеграммы на виллу Грина в Анакапри, с удивлением обнаружил, что в доме проживают итальянские мальчики, а потом узнал от кого-то в городе, что их там держат в сексуальных целях. Но этот эпизод относится к началу пребывания Грина в Анакапри, то есть ко времени, когда к нему еще приезжала Кэтрин, порой привозившая с собой сыновей. Не этих ли мальчиков видел любопытный Скоппа? И в любом случае, неужели можно поверить в то, что Грин в самый разгар своего пылкого романа с женщиной мог заинтересоваться любовью подобного рода?

«Тема однополой любви пронизывает все произведения Грэма Грина — от первого до последнего, — заявляет Шелден. — Его герои-мужчины неизменно ищут каких-то непонятных отношений с себе подобными». Однако между двумя этими предложениями нет логической связи. Шелден смешивает гомосексуальное влечение (а мы не имеем никаких свидетельств того, что Грин испытывал либо практиковал нечто подобное) с тесными дружескими отношениями, связывающими мальчиков, а затем и взрослых мужчин, что было неизбежным следствием раздельного обучения, типичного для английских частных закрытых школ и университетских колледжей в молодые годы Грэма Грина. Преследуя свои «порочащие» цели, Шелден не может не разделить идиотическую реакцию Д. Селзника {{ Дэвид Оливер Селзник (1902—1965) — американский кинопродюсер, выпустивший такие фильмы, как «Кинг-Конг», «Унесенные ветром», «Дэвид Копперфилд» и др.}} на сценарий фильма «Третий», предложенный ему Грином и режиссером Кэролом Ридом. Об этом эпизоде Грин с иронией вспоминает в «Путях спасения»:

— Так дело не пойдет, ребята, — сказал он, — так дело не пойдет. Зачем у вас там гомосеки?

— Гомосеки?

— Вы думаете, раз их в ваших английских школах полным-полно...

— Я не понимаю...

— Этот малый приезжает в Вену и ищет друга. Так? Узнает, что он умер. Так? Почему же он не возвращается домой?

Месяца работы над сценарием как не бывало. Я молчал, подавленный его сокрушительной логикой. Селзник покачал седой головой.

— *Ребята, он гомосек.*

Я принялся слабо возражать:

— Но этот персонаж... у него есть повод для мести. Его избил военный полицейский. И через сутки, — я выложил последнюю карту, — он влюбляется в девушку Гарри Лайма.

Селзник печально покачал головой.

— Тогда почему он не уехал до того, как это случилось? {{ Перев. с англ. А. Бураковской.}}

К счастью, Селзник либо изменил свое мнение о сценарии, либо позабыл о своих претензиях, а снимавшая фильм группа молча их проигнорировала. Остальное —уже история кинематографа.

5

Упоминание повести «Третий» снова возвращает нас к теме Кима Филби и к вопросу о взаимоотношениях Грина с британской разведывательной службой. В 1963 году, когда Филби, вслед за Бёрджессом и Маклином {{Гай Бёрджесс (1910—1963) и Доналд Маклин (1913—1983) — английские разведчики, советские агенты.}}, сбежал в Россию, едва не попав под арест за измену родине, Грин написал газетную статью, в которой шутливо заметил, что словечко «третий» он выдумал еще тогда, когда никто и не догадывался, до чего оно подойдет впоследствии его старому другу. Однако ирония ситуации, скрытая от большинства читателей, заключалась в том, что образ Гарри Лайма был навеян Кимом Филби или даже списан с него — что вполне убедительно показывает Шелден (здесь он более доказателен, чем Шерри). Решающий эпизод «посвящения» Килби в шпионы имел место в Вене как раз перед началом войны, и те непростые чувства, которые Холли Мартинс испытывает по отношению к Гарри Лайму — и осуждая его преступную деятельность,

и клянясь ему в дружбе и преданности, — это зеркальное отражение дружбы-вражды Филби и Грина в бытность последнего сотрудником МИ-6. Как справедливо отмечает Шелден, «Грин не мог совершить предательства по отношению к Киму Филби, однако всю оставшуюся жизнь размышлял над беспокоившей его дилеммой. Он снова вернулся к ней в романе «Человеческий фактор» и даже послал рукопись Филби в Москву — хотел узнать его мнение».

В романе «Человеческий фактор» действует советский агент, сотрудник британской разведслужбы, женатый на темнокожей южноафриканской женщине; он передает русским сведения о тайном договоре между Западом и южноафриканским правительством, чья цель — не допустить перехода африканских золотых приисков в руки Советов. Вскоре после публикации романа общественность узнала, что договор о золотых приисках и в самом деле существовал. Леопольдо Дуран приводит этот случай как иллюстрацию присущего Грэму Грину дара политического ясновидения. Однако вполне вероятно, что эти сведения писатель получил благодаря своим контактам с разведслужбой. Которые, кстати сказать, не прекратились с его отставкой

из МИ-6 в 1944 году. Шелден утверждает, что узнал об этом от сотрудников секретариата британского кабинета министров, из чего следует, что весь послевоенный период, вплоть до начала 80-х годов некоторые поездки Грина за границу субсидировались секретной службой и он регулярно писал туда отчеты, действуя, так сказать, на общественных началах. Тщательно проанализировав эти данные, Норман Шерри приходит к выводу, что, как и подозревали французские власти, во время французских военных действий в Индокитае Грин функционировал там в качестве английского шпиона, хотя и представлялся журналистом и писателем, собирающим материал для нового романа.

В 1968 году Ким Филби выпустил в свет воспоминания, к которым Грин написал восхищенное предисловие, чем нанес серьезное оскорбление Англии. Его сразу же заклеймили как предателя, чьи руки обагрены кровью многих агентов Британии и союзных стран. Проводимая им параллель между тайным пособничеством Филби советской разведке и подпольной деятельностью католиков во времена королевы Елизаветы I была отвергнута как софистика. Возможно, в «Человеческом факторе» (1978) Грин попытался придать образу

шпиона более привлекательную окраску, увязывая его с высокоморальной идеей — оппозицией режиму, несущему ответственность за апартеид. Но если Грин и впрямь продолжал сотрудничать с МИ-6 в годы «холодной войны», то публичная поддержка Филби несомненно служила ему весьма ловким прикрытием и позволила снискать статус «персона грата» в Советском Союзе, а также и получить доступ к знаменитому перебежчику. Возможно, встречаясь с Филби в России, Грин старался вытянуть из него кое-какую информацию; возможно, он обрабатывал его, пытаясь снова «завербовать» (скорее всего, Филби к тому времени был уже завербован). Однако здесь мы вступаем в зеркальный лабиринт, каковым является мир современного шпионажа, где нет ничего невозможного.

Согласно Шелдену, сотрудничество Грина с секретной службой плохо согласуется с его позднейшими клятвами в верности «международному социализму», и этот факт, почерпнутый из биографии писателя, разочаровал некоторых английских обозревателей (например, Ф. Нормана, журналиста газеты «Индепендент»). С другой стороны, если к идее «международного социализма» Грин относился критически, то для его

шпионской деятельности, якобы служившей ему прикрытием, можно найти оправдание. Кстати, Ивлин Во всегда считал, что Грин «был нашим агентом и заигрывал с русскими исключительно для отвода глаз». Подобное объяснение загадочного поведения Грэма Грина представляется не лишенным привлекательности в ряде отношений. Публично поддержать предательство Филби и этим навлечь позор на свою голову во имя служения родине — такой жест был достоин героев патриотических приключенческих книг, на которых был воспитан Грин. Однако теория эта представляется уж слишком стройной и не отвечает на вопрос, почему воспоминания о Киме Филби до самой смерти вызывали у Грина угрызения совести.

Как следует из статьи Р. Розенбаума в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» от 10 июля 1994 года, Норман Шерри писал в Швейцарию доживающему последние дни Грину и просил подтвердить часто встречавшиеся сведения о том, что Филби был двойным контршпионом, то есть разыгрывал из себя перебежчика, а на самом деле поставлял информацию в британскую разведслужбу. Грина этот запрос привел в волнение, и он даже распорядился прислать свои архивные материалы,

касающиеся Кима Филби, словно хотел заново уяснить мотивы, которыми руководствовался его бывший друг. В записях Леопольдо Дурана о посещении умирающего Грина есть интригующая фраза, скорее всего, имеющая отношение к этому делу: «Аманда [племянница Грина *-Л. Д.*] упомянула о чем-то, касавшемся секретной службы и беспокоившем его последние несколько дней». Дуран далее поясняет: «Отвечал он в ясном сознании, хотя говорил уже с трудом». Поскольку Грина и Дурана тогда уже не связывала тайна исповеди, когда-нибудь испанский священник поведает нам о том, что услышал от писателя.

Мое собственное мнение на этот счет таково: Грин был слишком непоследователен и противоречив в своих политических взглядах, и его связи с разведслужбой в послевоенные годы объясняются прежде всего личными и сиюминутными соображениями. Мы знаем о его великой склонности к шуткам, розыгрышам и прочим способам дурачить публику; нам известно и то, что уже с младых ногтей он упражнялся в соглядатайстве отнюдь не по идейным соображениям, но исключительно из любви к искусству, а также из желания посмотреть мир за чужой счет. Несомненно, он извлекал массу удовольствия из

того, что путешествовал по всему свету, запросто общался с политической элитой и был очевидцем войн, революций и политических заговоров. В конце концов, все это, как любят повторять писатели-профессионалы, и есть литературный материал.

Его отношение к «холодной войне» всегда отличалось своеобразием. Прежде всего, он был настроен антиамерикански, истоки этого следует искать в его довоенной карьере кинокритика. В заметке, написанной вдогонку уже упоминавшейся выше кинорецензии, он ясно дал понять, что глубоко презирает Голливуд и ни во что не ставит вклад, внесенный его деятелями в мировой кинематограф. Однако упреки в сексуальности девятилетней Шерли Темпл, которые он высказал в своей рецензии в журнале «Найт энд дэй», явно выходили за рамки дозволенного, и студия наказала Грина за дерзость, возбудив судебное дело по обвинению в клевете против него и журнала. В результате журнал прекратил свое существование, а Грин был подвергнут большому штрафу. Этого эпизода он не забыл и американцам не простил.

В романе «Тихий американец» (1955) Грин дал тонкую оценку безрассудной политике США,

развязавших военные действия в Юго-Восточной Азии, и верно предсказал последствия такого вмешательства, однако несколькими годами раньше он как журналист поддерживал антикоммунистическую кампанию французских колониалистов. И вместе с тем ему ничего не стоило петь хвалы коммунизму в пику американцам, одновременно снабжая британские спецслужбы материалами, собранными в поездках за железный занавес. Именно антиамериканизм заставлял Грина бездумно поддерживать центральноамериканские революционные и народные движения и их лидеров — Кастро, Трухильо, Торрихоса и сандинистов {{ Рафаэль Трухильо (1891—1961) — диктатор Доминиканской республики; Эррера Торрихос (1929—1981) * президент Панамы, ему посвящена книга Г. Грина «Знакомство с генералом»; сандинисты — участники Фронта национального освобождения Никарагуа называли себя в честь Аугусто Сандины (1895—1935), возглавившего борьбу против оккупации Никарагуа США в 1921—1933 гг.}}, чьи идейные установки были сомнительны, а политические методы отличались жестокостью. Шелден весьма недвусмысленно высказывается насчет политических игр Грина в Центральной

Америке, характеризуя их как двуличные и безответственные. Интересно, удастся ли Норману Шерри в третьем томе (относящемся к этому периоду жизни писателя) привести хоть сколько-нибудь реабилитирующие Грина данные.

В соревновании на лучшую биографию Грэма Грина Шерри и Шелден выступают в качестве тяжеловесов, и поединок между ними будет продолжаться еще какое-то время. Кроме них, есть Энтони Моклер — журналист и военный историк, воспитанный в католичестве. В молодости он был знаком с дочерью Грина и много путешествовал, нередко по маршрутам писателя. Казалось бы, он лучше других мог справиться с жизнеописанием Грэма Грина, однако, как это ни удивительно, его книга грешит дилетантизмом. Он то и дело прибегает к авторитету других исследователей, будто пишет статью в развлекательный журнальчик. Конечно, не стоит забывать о моральном ущербе, понесенном им в связи с судебным запретом первого варианта книги; кроме того, как и в случае Шелдена, душеприказчики Грина крайне ограничили его свободу по части цитат. Тем не менее из имевшегося в его распоряжении материала он все же смог добыть немало интересных подробностей, которые ускользнули от внимания его

собратьев по перу или не были по достоинству ими оценены.

Самой странной из рецензируемых здесь книг являются воспоминания Леопольдо Дурана. Он познакомился с Грином в начале 70-х годов, после того как послал ему экземпляр своей докторской диссертации, над которой работал в Лондонском университете. Грин позвонил ему и пригласил на обед в «Ритц». Дуран, похоже, всю оставшуюся жизнь пребывал под впечатлением от этого яркого события. Вообще говоря, это был странный и нетипичный для Грина жест, так как писатель обычно избегал поклонников, особенно имеющих церковный сан. Если на то пошло, то и Дуран был не из тех священников, которых Грин предпочитал описывать в своих романах. И в силу характера, и в силу мировоззрения Дуран никогда не выходил за рамки общепринятых условностей, а в политике и теологии неизменно придерживался правых взглядов. Он был убежденным поклонником Франко, и это единственное, чем можно объяснить некоторые затруднения в его академической карьере. Дуран делает глухие намеки на то, что студенты бойкотировали его лекции, а также что он не получил повышения по службе, которому могли бы способствовать его

публикации о Грэме Грине (писателя, по словам Дурана, крайне удивило столь несправедливое отношение академической среды).

Дуран простодушно рассказывает различные жизненные истории, невольно придавая отдельным пассажам своей книги комический оттенок. Например, однажды его пригласили прочесть лекцию о Грине в университет Комплутенсе {{ Комплутенсе * католический университет в Мадриде.}}. Грин сам помог ему отредактировать текст выступления, но на лекцию никто не пришел — ни единой души.

Позже, когда я позвонил Грину, чтобы рассказать о случившемся, в трубке установилась мертвая тишина. Я подумал, что нас разъединили. Но я ошибся: Грин просто задумался.

Очень бы хотелось знать, какие мысли пришли тогда ему в голову.

Почти каждое лето Грин в обществе Дурана, с корзинкой провизии и хорошим запасом спиртного в багажнике, несколько недель ездил в машине по сельским дорогам Испании, чаще всего на северо-востоке страны, на стоянках путешественники беседовали за бутылкой вина. Эти поездки Грин прозвал пикниками. Их разговоры, которые Дуран аккуратно записывал, чаще всего

касались вопросов религии, особенно католического учения о взаимоотношениях полов:

Мы с Грэмом делились друг с другом самым интимным. Он всегда с большой охотой слушал то, что я рассказывал о своих подругах, и часто при обсуждении этих дел на глаза у него наворачивались слезы.

Возможно, эти рассказы смешили Грина до слез и он пытался скрыть это? Он, несомненно, распознал в священнике комическую фигуру и вывел его (при несколько игривом попустительстве самого Дурана) в качестве главного героя романа «Монсеньор Кихот» (1982), книги довольно странной и не вполне удачной, напоминающей затянувшийся анекдот. Воспоминания Дурана снабжены множеством фотоснимков, на которых Грин неизменно смотрит прямо в объектив с натянутой улыбкой, будто чем-то раздражен или просто не в духе. Однако неподдельная искренность испанского священника действовала на Грина умиротворяюще, и, прощаясь с жизнью, он вызвал его к своему смертному одру. Леопольдо Дуран причастил и соборовал писателя.

6

Книга Моклера заканчивается небольшой главой под названием «Что я думаю о Грэме Грине?» Вопрос сформулирован довольно прямолинейно, однако именно его наверняка задаст читатель романов Грэма Грина, выбравшись из-под груды новой для него биографической информации и досужих вымыслов. У меня есть собственные резоны задаться этим же вопросом. Своим творчеством Грэм Грин оказал на мое писательское становление гораздо большее влияние, чем кто-либо иной из современных писателей, и, хотя я встречался с ним всего несколько раз, а наша переписка прерывалась длинными паузами, общение с ним для меня было чрезвычайно интересно и полезно.

В конце 40-х — начале 50-х годов, когда я был учеником средней школы и делал первые, но решительные попытки взяться за перо, Грэм Грин пребывал на вершине писательской славы и, по всеобщему признанию, был самым интересным и талантливым английским автором. Из его современников лишь Ивлин Во мог составить ему достойную конкуренцию, хотя, по

мнению многих критиков, именно с того времени, после написания — или до написания — романа «Возвращение в Брайдсхед» (1944), его писательский успех пошел на спад, тогда как «Суть дела» (1948) или «Конец одной любовной связи» (1951) стали, по всем меркам, лучшими романами Грэма Грина. Я читал произведения обоих писателей с жадным интересом и огромным удовольствием и многое перенял у них по части писательского мастерства. Поскольку я был католиком, получившим соответствующее воспитание, немалое значение для меня имело и то, что оба они приняли католичество и затрагивали в своих произведениях темы католицизма. Хотя нельзя сказать, что та местническая, мелкобуржуазная католическая субкультура в ее ирландском варианте, с которой мне, главным образом, довелось познакомиться, имела много общего с папистами-аристократами и светскими львами Ивлина Во или с исповедующими католицизм уголовниками, чудаковатыми и падкими до виски священниками, а также распутничающими эмигрантами, которых изображал в своих романах Грэм Грин. Главное же заключалось в том, что благодаря этим писателям получивший свое отражение в литературе католицизм стал

интересен, привлекателен и престижен. В современном мире, не знавшем ни англиканских, ни методистских писателей-романистов, похоже, стало возможным говорить о существовании такой фигуры, как писатель-католик.

Грин весьма убедительно показал, что все, о чем мечтает наделенная творческим воображением юность: бунтарство, богемность, антибуржуазность, — вполне согласуется с сочинительством, отнюдь не выходящим за пределы католической веры и ее исповедания. В своих ранних романах я разрабатывал некоторые типично гриновские темы: вера и безверие, прегрешение и чувство вины — и, хотя переносил действие в другую, менее красочную среду городских окраин, еще не освободился от стилистических заимствований. В первом из опубликованных мною романов «Киношники» есть второстепенный персонаж по имени Гарри, который смахивает на Пинки из романа «Брайтонский леденец»; и Кингсли Эмис, в целом положительно оценивший мое творение, отмечает в своей рецензии «две или три невольные метафоры в духе Грэма Грина: «свое несчастье он нес перед собой, как дароносицу».

Роман «Киношники» был начат младшим капралом, исполнявшим обязанности делопро-

изводителя в Королевском танковом полку, — в то время я отбывал двухлетнюю воинскую повинность. За спиной у меня был Лондонский университетский колледж, где я получил степень бакалавра, а впереди — два года работы над магистерской диссертацией. Ее тема звучала так: «Английский католический роман со времен Оксфордского движения до наших дней». Грэм Грин стал героем последней, ударной главы моего чудовищно длинного опуса (в фондах Британского музея обнаружилось куда больше католических романов, чем можно было ожидать). В диссертации я рассматривал католический роман прежде всего с точки зрения тематики — я стремился показать, что беллетристика использовалась для проведения в жизнь постоянно меняющегося «католического мировоззрения». Однако по ходу дела меня стали больше интересовать вопросы художественной формы. Тщательный анализ писательской техники Грэма Грина показался мне лучшим средством защитить его от ученых ниспровергателей, которых уже тогда развелось немалое количество. В то время в литературоведении господствовали две школы — американская «новая критика», признававшая высшей литературной формой лирическое

стихотворение и оказывавшая предпочтение модернистскому и символистскому роману, а не традиционному реалистическому, и школа Ф. Ливиса {{ Фрэнк Реймонд Ливис (1895—1978) — британский литературный критик, автор монографии «Великая традиция».}}, более склонная к реализму, но при условии, что писатель «правдиво отражает жизнь» в соответствии с великой традицией секуляризованного английского пуританства. Сочинения Грэма Грина, недвусмысленно воспевающие смерть и сливающие воедино романтический приключенческий рассказ, современный детектив-триллер и французский католический роман о грехе, спасении души и «мистической сублимации» (получивший свое развитие у Бернаноса {{ Жорж Бернанос (1888—1948) — французский католический писатель и публицист.}} и Мориака), не отвечали критериям обеих упомянутых школ и, как и следовало ожидать, подвергались уничтожающей критике в академических литературоведческих журналах.

В то время Грин виделся мне писателем, который, при всем его сочувствии к страдающему и угнетенному человечеству, придерживается антигуманного и антиматериалистического

взгляда на человеческую жизнь (отраженного в афоризме Т. С. Элиота: «Уж лучше, как это ни странно, творить зло, чем бездействовать; по крайней мере, это тоже жизнь»), который по-новому преломился в романе «Суть дела»: «Только человек доброй воли несет в своем сердце вечное проклятие» {{ Перев. с англ. Е. Голышевой и Б. Изакова.}}. Однако эта умозрительная истина (если позволить себе охарактеризовать ее столь приблизительно) в романах Грина наполнилась живой и убедительной конкретикой и в каждом из них получила новую тематическую разработку. В сочинениях Грина мне удалось выявить ключевые слова и словосочетания, зачастую достаточно абстрактные по своему значению, такие, как «доверие» — в «Доверенном лице», «жалость» — в «Сути дела», «любовь и ненависть» — в «Конце одной любовной связи, которые, то и дело встречаясь в тексте, оказывают почти суггестивное воздействие на читателя, направляя и фокусируя его восприятие все более закручивающегося сюжета и вызывающего яркие ассоциации романного антуража. От этих первых наблюдений я перешел к более серьезному изучению проблем литературного стиля, что и составило содержание моей первой литерату-

роведческой книги «Искусство прозы» (1966). В том же году в выпускаемой Колумбийским университетом серии «Современные писатели» я опубликовал отдельной брошюрой расширенный и видоизмененный вариант моей последней диссертационной главы, посвященной Грину.

К тому времени у меня уже вышли два романа: «Рыжий, да ты спятил!» (1962) — о службе в вооруженных силах (который, как я обнаружил по прошествии нескольких лет, был написан не без влияния «Тихого американца», ибо повторял такие важные его особенности, как повествование от первого лица и использование временных сдвигов) и «Падение Британского музея» (1965) — мой первый откровенно юмористический роман, содержавший целый ряд пародий, в том числе и на Грина. С моей стороны, это был скорее акт поклонения, чем сатирический выпад, и все же с великим душевным трепетом послал я Грину экземпляр книги, приложив брошюру Колумбийского университета и сопроводительное письмо, в котором признавался в своем давнишнем интересе к его сочинениям и выражал восхищение его творчеством. Это было мое первое послание известному писателю. Полученный от него ответ доставил мне огромное удовольствие. Грин

поблагодарил за брошюру, хотя и не скрыл, что не любит читать критических разборов своих произведений (теперь я понимаю и разделяю его чувства), роман же — дело иного рода. «Я прочитал его с превеликим наслаждением. Он очень смешной и в наше время весьма уместен». Грин настойчиво рекомендовал мне послать роман кардиналу Хинану, и когда в своем следующем письме я отклонил эту идею (которая мне показалась чересчур смелой, и к тому же в те дни я не мог позволить себе роскошь бесплатно рассылать свои книги), он обещал, что сделает это сам. Вскоре роман был принят к публикации в Соединенных Штатах, и издатели спросили меня (как это часто бывает с малоизвестными авторами), к кому из признанных писателей они могут обратиться за отзывом для суперобложки. Несколько нервничая, я написал Грину и попросил разрешения процитировать его письмо ко мне, и он великодушно согласился, как нередко изъявлял готовность поддержать и других писателей. Стоит ли говорить о том, какой бесценной рекомендацией стал для меня этот отзыв!

С тех пор я всегда посылал Грину экземпляр каждого нового романа и неизменно получал в ответ благодарственное письмо из его резиден-

ции на Антибах. Но встретиться нам довелось лишь в 1975 году, когда группа литературоведов — поклонников Грина, возглавляемая Мириам Элотт (написавшей в соавторстве с мужем первое монографическое исследование о Грине) и моим другом Ианом Грегором (ученым-католиком, давно проявлявшим интерес к писателю), пригласила меня на ужин, чтобы отпраздновать семидесятилетие писателя и премьеру его пьесы «Возвращение А. Дж. Раффлза», ради чего тот и появился в британской столице.

Ужин проходил в ресторане на севере Лондона, неподалеку от квартиры Мириам, где все мы заблаговременно собрались. Грин, похоже, стеснялся и чувствовал себя неловко, а нас несколько сковывало то обстоятельство, что увиденная нами только что пьеса оказалась далеко не лучшим из написанного им для театра и не вызвала у нас восторга. Но постепенно он оттаял и рассказал несколько забавных историй, оказав нам этим большую честь (правда, на следующий день мы не без смущения обнаружили в воскресном выпуске какой-то газеты те же самые истории — он повторил их в своем интервью). Не думаю, что Грин прибегнул к своим излюбленным розыгрышам — просто решил сэкономить силы,

требуемые в подобного рода случаях. К концу жизни он, как и многие известные литераторы, смирился с неизбежной надоедливой шумихой в средствах массовой информации, которой сопровождался выход в свет каждого его нового романа, однако интервью его стали настойчиво однообразны, как будто он старался не отступать от заранее заготовленного и выученного сценария, — впрочем, содержавшего в себе гораздо больше умолчаний, чем признаний.

На следующий год Британский совет уведомил меня, что Грин согласился дать интервью, которое должно было быть записано на кассеты, предназначавшиеся для изучающих современную английскую литературу студентов-иностранцев, и либо одобрил, либо сам предложил мою кандидатуру на роль интервьюера. Я радостно откликнулся на это предложение, и в одну из мартовских суббот мы встретились в Лондоне. Впоследствии я запечатлел на бумаге эту встречу, вся атмосфера которой, казалось, была пропитана столь типичной для него горькой иронией.

Студия звукозаписи находилась на Дорсет-сквер. Я прибыл на место загодя, но Грин уже был там и ожидал меня у газетного киоска, вглядываясь в витрину светло-голубыми, слегка

выпуклыми глазами. Он был в черном, ворсистом, перехваченном поясом пальто. Головного убора на нем не было, и на лысеющей голове ветер шевелил нежный, как у младенца, седой пух. Мы вспомнили водителя такси, подвозившего нас после прошлогоднего ужина в ресторане, — словоохотливого иранца, который вмешался в разговор, заявив, что знаком с одной из упомянутых участниц ужина, профессором Молли Махуд, возможно, приняв ее ирландскую фамилию за персидскую. «Едва ли не самое яркое событие вечера», — лаконично заметил Грин и потом признался, что за ужином среди незнакомых людей, чьих имен не запомнил во время знакомства, чувствовал себя не в своей тарелке.

Мы разыскали студию, которая приютилась в каком-то обветшалом подвале. Я подавил искушение припомнить вслух название одного из рассказов Грина «Комната в подвале», все вокруг в самом деле навевало мысли о стране «Гринландии». Через окно первого этажа был виден изысканно накрытый обеденный стол с расставленными на нем подсвечниками, а между тем, было лишь пол-одиннадцатого утра. Дверь в подвал после некоторой паузы отворилась, и приглашенный Британским советом продюсер

по имени Лиддердейл провел нас по грязному сырому коридору в самую тесную и неопрятную студию звукозаписи, какую мне когда-либо приходилось видеть. Стол, на котором стояли микрофоны, был покрыт грязным коричневым сукном, изрезанным бритвенными лезвиями и прожженным окурками.

Нас торопливо и несколько сконфуженно представили радиоинженерам. Затем, попивая растворимый кофе, мы в течение часа записывали интервью. Поначалу Грин был не слишком словоохотлив и в ответ на мои тщательно продуманные вопросы отделывался обескураживающими «да» или «нет». Но постепенно он оживился, и хотя не сказал ничего нового, Лиддердейл дал понять, что результатом доволен. По окончании мероприятия он, к моему удивлению, расплатился с нами наличными, выдав каждому по тридцать фунтов — банкноты он достал из своего бумажника и попросил нас расписаться на каких-то убогих на вид квитанциях. Грин пригласил меня пропустить по стаканчику, и Лиддердейл порекомендовал буфет около железнодорожной станции Мерилбоун, поскольку там подавали новое бочковое пиво «Раддлз». Потом он и сам решил заглянуть туда.

Грину бар очень понравился, и он порадовался тому, что узнал о его существовании. Он сказал, что сюда было бы неплохо пригласить его брата Хью, большого любителя пива. Потом заговорил о предстоящей им обоим совместной поездке в Грецию; и Лиддердейл, чьим увлечением была Византия, порекомендовал осмотреть несколько достопримечательностей, до которых можно добраться лишь верхом на мулах. Грин ответил, что ему уже не по годам ездить верхом, и кстати припомнил свое долгое путешествие на мулах по Мексике. Я задал ему вопрос о поездке в Либерию, описанной в «Путешествии без карты», и поинтересовался, что стало с сопровождавшей его кузиной. Он сказал, что кузина жива, во время войны ей пришлось многое испытать, а теперь она проживает в Европе. Он вспомнил, что пригласил ее в Либерию, явно хватив лишнего на свадьбе у родственника, и что потом его смутила ее твердая решимость ехать с ним вопреки возражениям родни.

Затем к нам присоединились звукорежиссер и секретарь Лиддердейла. Мы выпили по новой, переключившись с пива на джин с тоником, и слегка захмелели. Потом, когда Грин принес для всех еще по одной порции джина с тоником, я

заметил, что выпивка пробьет брешь в его гонораре. Ухмыльнувшись, он ответил: «Что может быть лучше подобной бреши?» Мы перевели разговор на фильмы и коснулись готовившейся экранизации романа «Почетный консул». Перед расставанием, уже на улице, Грин спросил, куда идут поезда со станции Мерилбоун. Этот вопрос, я думаю, был не только типичен, но и весьма показателен для одного из самых великих писателей-странников нашего времени.

В последующие годы наша переписка немного оживилась, и мы стали обращаться друг к другу по имени. Послав ему свой новый роман «Далеко ли вы пойдете?», я снова получил от него похвальный отзыв, который он снова позволил мне процитировать на суперобложке (я дал ему понять, что впредь не буду беспокоить его подобными просьбами). Кроме того, он написал: «Вот что удивило меня. Мне никогда не встречались католики, которых вы изображаете в своей книге, — возможно, потому, что я принадлежу к предыдущему поколению. Мне казалось, что люди перестали верить в геенну огненную и считать противозачаточные средства порождением зла еще до войны. Наверное, я общался с какими-то другими католиками и слишком много време-

ни провел за границей». Все это как-то плохо соответствовало нарастанию эсхатологических мотивов в его собственных романах конца 40-х годов — вплоть до «Сути дела» (1948) и желанию познакомить кардинала Хинана с моим романом «Падение Британского музея», хотя была своя правда в том, что католическая церковь, чьим прихожанином он стал в свое время, заметно отличалась от той, что описываю я, особенно когда речь идет о богослужениях на современном языке, церковных песнопениях под гитару, пеших маршах в поддержку миссионерства, службах на дому, воскресных вечерах для неблагополучных семей, харизматических молитвенных группах — то есть обо всем том, что стало возможно после Второго ватиканского собора {{ Второй ватиканский собор (1962—1965) был созван для обновления католической церкви.}}.

К слову сказать, из романов самого Грина, начиная с «Ценой потери» (1961), явствует, что его собственная вера в Бога претерпевает изменения и истощается. Если раньше он называл себя «пишущим католиком», то теперь подобрал другое определение: «католик-агностик». В одном из интервью он проводит границу между религиозными убеждениями, которых лишился,

и верой, которую сохранил, хотя эта последняя скорее напоминает тоскливую надежду на то, что вся христианская мифология в конце концов чудесным образом обернется правдой. Я и сам, пожалуй, в чем-то католик-агностик (или агностик-католик), но мне все-таки кажется, что самые сильные, выдержавшие проверку временем романы Грина те, в которых он без всяких компромиссов следует каноническому учению о Боговоплощении и конце света; ни он, ни я в период нашего знакомства уже не разделяли подобных взглядов.

В мае 1985 года мы с женой ненадолго поехали отдохнуть во Францию, и я воспользовался давнишним приглашением Грина навестить его при случае на Антибах. Он принял нас в довольно скромных размеров квартире, окна которой выходили на море, предложил выпить и показал входную дверь, изуродованную местной криминальной группировкой, пытавшейся запугать его (эта история излагается в эссе «J'accuse {{ Я обвиняю *(франц).*}}»: Теневая сторона Ниццы», 1982). Затем он пригласил нас пообедать в старом городском квартале неподалеку от гавани, и, угощаясь ухой и печеным палтусом, мы позволили себе откровенные и отчасти даже рискованные

разговоры. Казалось, Грин ничуть не потерял интереса ни к жизни, ни к литературе. Не без гордости он признался, что в семьдесят с лишним лет перенес операцию по поводу рака кишечника и что недавно вернулся к роману, начатому несколько лет тому назад. Похоже, он испытывал какую-то озорную радость от того, что бедняга Норман Шерри вдоволь хлебнул горя, пытаясь отследить каждый его шаг. Я пришел к выводу, что безразличие к смерти, столь часто проповедуемое Грином, и культ неудач, якобы помогающих узнать жизнь по-настоящему, в какой-то степени являются для него искупительными или защитными мерами против собственной гордыни и что в глубине души он наслаждается выпавшей на его долю славой и долголетием.

Спустя два дня, сидя на краешке бассейна где-то в Провансе, я записывал по памяти состоявшийся между нами разговор. Неожиданно налетевший порыв ветра, «маленький мистраль», как называют его местные жители, нарушил мирную картину, пустив по бассейну волны, перевернув навесы и столики и взметнув в небо страницы моей рукописи. Разинув рот от удивления, я наблюдал, как, порхая в воздухе, они удаляются в сторону соседней оливковой рощи. Прыгнув

в машину, мы с женой бросились вдогонку, но смогли отыскать лишь несколько измятых и перепачканных листков. Позже этот инцидент в несколько переработанном виде был использован мною в рассказе «Отель Бубс»: писателя, сидящего у бассейна и что-то сочиняющего, подобным образом повергает в изумление женщина, устроившаяся позагорать рядом с ним в купальнике без верха. Я думаю, Грин позабавился бы, узнай он, каковы истоки моего рассказа, но я даже не заикнулся ему об этом, опасаясь, что сам факт существования записей поставит под угрозу наши отношения, однако он наверняка догадывался, что все, с кем он общался, делали их.

У меня сохранились лишь самые теплые воспоминания о Грэме Грине, и даже откровения его биографов ничем не смогли их омрачить, хотя, пожалуй, я теперь меньше жалею о том, что не познакомился с ним поближе. (С другими писателями он сохранял добрые отношения, лишь находясь на далеком расстоянии; например, с Энтони Бёрджессом они перестали ладить после того, как поселились по соседству на Лазурном берегу.) Однако многие поклонники Грэма Грина пришли в полное смятение, когда их посвятили в подробности его интимной жизни, — то же самое

произошло и с почитателями Филипа Ларкина {{ Филип Ларкин (1922—1985) — английский поэт, библиотекарь и музыкальный критик.}}, чьи письма и биография, написанная Э. Моушеном, были опубликованы незадолго до того. Подобная реакция понятна, но не вполне логична. Никакие разоблачительные открытия, касающиеся личной жизни писателя, не должны влиять на наше мнение о его творчестве, сложившееся вне всякой связи с ними. Хотя, конечно, они помогут подтвердить либо рассеять кое-какие возникающие у нас сомнения.

Биографы ни в коей мере не повлияли на мою уверенность в том, что романы Грина, написанные им в 30-е и 40-е годы и завершающиеся «Концом одной любовной связи», принадлежат перу крупнейшего мастера и занимают важное место на карте современной литературы. Однако я не могу не согласиться с Майклом Шелденом, который выносит суровый приговор поздней прозе Грина, и здесь, по-видимому, биографические факты должны быть учтены. В постскриптуме к моей брошюре о Грэме Грине, выпущенной еще в 1976 году, я написал:

Эпиграф из Томаса Гарди к роману «Почетный консул» довольно точно определяет его

нынешнее мировоззрение: «Все слито воедино: добро и зло, великодушие и правосудие, религия и политика...» {{ Перев. с англ. Е. Голышевой и Б. Изакова.}}. *Однако самые удачные его произведения рождаются скорее из столкновения конфликтующих идей, чем из туманного и маловразумительного взаимного их перетекания.*

Новые сведения о подозрительных и, вероятно, двусторонних шпионских связях Грина с секретной службой во время «холодной войны» действительно укрепляют наши сомнения относительно таких его поздних романов, как «Комедианты», «Путешествия с тетушкой», «Почетный консул» и «Человеческий фактор». При всем своем техническом совершенстве они оставляют странное чувство неудовлетворенности, поскольку затронутые там важнейшие политические и философские проблемы не получают должного разрешения. Читая книги Шерри и Шелдена, постепенно утверждаешься в мысли, что у Грина не было последовательного и непротиворечивого взгляда на мир и что именно этот свой недостаток он пытался замаскировать, настаивая на том, что у художника не должно быть приверженности к той или иной идеологической системе. Возможно, это не было бы столь важно,

если бы он сам не обращался к этой теме в своей поздней прозе.

Однако странные и сумасбродные поступки, которые позволял себе Грин в личной жизни, его черствость и эгоизм по отношению к женщинам — все, что вытащили на свет божий старательные биографы, — нисколько не умаляют эмоциональной и духовной глубины его лучших произведений. Нравственный зазор между живым писателем и «абстрактным автором» не есть постыдный факт, но скорее проявление известного принципа, провозглашенного Т. С. Элиотом: «Чем совершеннее художник, тем четче разделены в нем человек, непосредственно живущий и страдающий, как все люди, и творящее сознание» {{ Традиция и индивидуальный талант. Перев. с англ. Н. Пальцева. В кн.: Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. М., Изд-во МГУ, 1987.}}. Грин, безусловно, человек страдающий, и мне непонятно, почему Шерри кажется парадоксальным, что «этот человек, которого многие считают крупнейшим писателем своего времени, и к тому же человек весьма преуспевающий, <...> знает, что такое отчаяние вопреки успеху и материальному благополучию». Однако страстность, которой от природы

обладал Грин (или которая обладала им), пожалуй, не подлежит рациональному объяснению. Сторонние наблюдатели усматривают в ней род недуга, но к счастью для Грина — а равно и для нас всех, — он нашел против него средство, пусть и не радикальное: «Писательский труд — это форма терапии, и мне непонятно, как спасаются от безумия, тоски и панического страха, которые подстерегают человека на каждом шагу, те, кто не пишет книг, не сочиняет музыки, не рисует картин» {{ Пути спасения. Перев. с англ. А. Бураковской.}}. Да пребудет душа его в мире — там, где не пишут биографий.

© David Lodge 1996
© О. Макарова. Перевод, 2001